Минуты будничного счастья

Автор:
Франческо Пикколо

Минуты будничного счастья

Франческо Пикколо

Веселый итальянец Франческо Пикколо, писатель и блестящий сценарист, видит поводы для счастья на каждом шагу. Удачно нашел место для парковки, провел жаркий август в городе, гуляя по вечерам с очаровательной женщиной, решил не стоять в очереди в супермаркете и почувствовал себя свободным человеком. Ему нравится даже то, что, казалось бы, нравиться не должно: дышать смогом, участвовать в уличных перебранках или смотреть телевизор при включенном радио.

“Минуты будничного счастья” состоят из множества коротких зарисовок, которые выстраиваются в целую жизнь. Здесь и смешные путешествия бутылок с вином по вечернему Риму, и любовь, и небольшие завуалированные исповеди. Автор-персонаж словно все время играет – с читателями, с друзьями, с собственной судьбой. И в этой игре неожиданно приоткрываются его детство, юность, история женитьбы, отношения с миром и с людьми. И с Вечным городом, где происходят будничные события этой праздничной книжки.

Франческо Пикколо – лауреат премии Стрега, одной из самых почетных в Италии, и престижной кинопремии “Давид ди Донателло”. По книге “Минуты будничного счастья” в 2019 году снят успешный фильм.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Франческо Пикколо

Минуты будничного счастья

© 2010 by Francesco Piccolo

© Е. Солонович, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО “Издательство АСТ”, 2020

Издательство CORPUS ®

Камилле

С некоторых пор я не выношу тех, с кем мне хоть чуточку скучно и из-за кого я могу потерять хоть секунду жизни.

Гоффредо Паризе

От переводчика

Минутой далеко не будничного счастья стала для меня в минувшем году встреча с книгой прежде незнакомого мне писателя. Открытые наугад страницы – одна, другая, третья – призывали не останавливаться на них, а тот, кому они обязаны были жизнью, казалось, обращался ко мне с вопросом: неужели ты не переведешь мою книгу?

Ответом на его заочный немой вопрос является эта публикация.

Переводя «Минуты будничного счастья», я тщетно пытался определить жанр книги. Варианты (немногие) были, но все они упирались, как в стену, в булгаковские «Записки на манжетах» и в совсем уж неподходящие для итальянца астафьевские “Затеси”…

Варианты были, пока я не сказал себе: хватит. Пока не сказал себе, что это не роман, не повесть, не рассказы, не эссе. Житейские истории? Возможно, хотя применительно не ко всей книге. Заметы? Может быть, хотя тоже применительно не ко всем страницам этого необычного коллажа. Ну вот, а говорил себе: хватит. Конечно, это коллаж. Коллаж из воспоминаний, впечатлений, мыслей, поступков, разговоров. Своего рода мозаика, сочетающая разновеликие детали.

“Минуты будничного счастья” – не первая книга Франческо Пикколо. Расширению круга читателей его романов и рассказов способствует растущая известность автора как сценариста: по сценариям Пикколо и сценариям с его участием снято более десятка фильмов.

Евгений Солонович

* * *

На римских страницах газеты, в среду, а иногда и раньше, я вижу объявление о фильме, которого жду. Там написано: “с пятницы”. Я закрываю газету, довольный, что в пятницу начнется отсчет времени до того вечера – надеюсь, одного из ближайших, – когда мне удастся этот фильм посмотреть. Еще не знаю, где и когда. Но я его посмотрю.

Наступает пятница, потом суббота. О первом конце недели не может быть и речи. В противном случае праздник ожидания оказался бы чересчур коротким. К тому же в первые выходные на эту картину бегут все.

Я жду.

С начала следующей недели я каждый день изучаю кинотеатры, где идет фильм, и расписание сеансов. Важно, чтобы кинотеатр не только был близко к дому, но и чтобы мне нравился зал. Я прикидываю, как удобнее проехать туда, и предвкушаю, как, выйдя из кино, стрельну сигарету и буду потягивать ее с медленным удовольствием, вспоминая те или иные фразы героев картины. Я даже выбираю заранее место на тротуаре, где брошу окурок послекиношной сигареты. Думаю, что пойду один на шестичасовой сеанс или с кем-нибудь из друзей на восемь тридцать, а еще лучше выйти из дома после ужина и попросить друга подъехать к последнему сеансу, чуть раньше, чтобы немного погулять возле кинотеатра.

И жду. Жду. Говорю себе: пойду на следующей неделе.

Но вижу, как с каждой новой неделей меняются кинотеатры, где показывают фильм, как тает их число, и знаю, что начиная с ближайшего четверга начну бояться, что уже завтра его на экранах не будет. Но потом, на мое счастье, оказывается, что он еще идет – правда, в маленьком кинотеатрике на окраине, и если эта медленная агония не кончается, то лишь потому, что умирающий ждет меня. Теперь добраться до него, в такую даль, сложнее, да и трудно найти компанию – человека, который бы его не видел.

И тут у меня возникает соблазнительная лукавая мысль, и я мгновенно решаю во что бы то ни стало претворить ее в жизнь. Глупо, но это так.

Я на него не пойду.

Помаюсь еще один четверг, теперь уже последний, зная, что завтра картина исчезнет с экранов, обзвоню знакомых, скажу, что, наверно, стоит обязательно на нее сходить, ведь завтра последний день, но сам я, к сожалению, не выберусь, не получится, может быть, у кого-нибудь из них будет время.

В результате я его пропускаю, фильм, который непременно хотел посмотреть. Я ни в коем случае не должен был его пропускать и теперь пропускаю, с завтрашнего дня буду говорить, что я его пропустил, и при этом тяжело вздыхать. В пятницу я открываю газету и вижу, что он больше не идет. Все.

И, как это ни странно, вздыхаю с облегчением.

* * *

Ранним воскресным утром, когда в городе пусто и тихо и он прекрасен, я выхожу из дома побродить по улицам. И каждый раз встречаю их – двух или трех, а однажды встретил целых пять. Реже попадается одна. Но чтобы не встретить ни одной – такого не бывает.

Все они элегантно одеты, все на высоких каблуках, но наряд субботнего вечера не вяжется с размазанной косметикой на утренних, бледных после почти бессонной ночи лицах. В ушах, бывает, блестят серьги, на платьях или пальто – брошки.

Иногда случается пройти несколько кварталов, прежде чем я услышу стук каблуков или звук открывающейся двери подъезда, откуда выходит одна из них, досадливо щурясь от утреннего света.

Она провела ночь в чужой квартире и сейчас ищет в незнакомом районе бар, чтобы выпить по дороге домой капучино.

Сразу видно: она принадлежит вчерашнему дню и не имеет ни малейшего отношения к воскресному утру. Она красивая, очень красивая, бледная, растерянная, оглушенная усталостью. Обессиленная. Но под выражением потерянности, как под ковром, прячется намек на счастье. Я вхожу вслед за ней в бар, тоже беру капучино, стою чуть поодаль, но так, чтобы видеть ее; я не собираюсь с ней заговаривать, лишь смотрю, как она медленно крутит ложечку, уставившись в пустоту, зевая. Я наблюдаю за ней, пока она не направится к выходу, пока не застучат в тишине каблуки. Она открывает дверь бара и уходит, иной раз забыв заплатить. И только с этой минуты можно считать, что вчерашний вечер закончился.

* * *

Я захожу в обувной магазин, на витрине которого увидел понравившиеся мне туфли. Показываю на них продавщице, называю номер – сорок шестой. Она уходит и, вернувшись, говорит: к сожалению, вашего номера нет.

И обязательно добавляет: есть сорок первый.

И молча смотрит на меня – ждет моей реакции.

И я бы рад сказать, пусть хоть однажды: хорошо, возьму сорок первый.

Стук посуды, когда бармены швыряют ее в раковину.

Быстрые автоматические движения аптекарей, заворачивающих лекарства.

Заранее покупаю билет на поезд. Придя на вокзал, не сразу сажусь в вагон. Жду. Разглядываю журналы в киоске, покупаю в автомате бутылку воды. За две-три минуты до отправления поезда вхожу в вагон. И приближаюсь к своему месту с надеждой. Часто мне удается оценить обстановку. Если мое место свободно, кладу наверх чемодан и сажусь.

Разочарованный.

Потому что получаю удовольствие, когда обнаруживаю, что кто-то сидит на моем месте, молясь про себя, чтобы я не пришел.

Я знаю, что он то и дело смотрел на часы; знаю, что всякий раз, как кто-нибудь двигался по проходу в его сторону, он боялся, что идет человек, который предъявит билет на это место; знаю, что всякий раз, когда оказывалось, что опасность миновала, он с облегчением вздыхал – с облегчением и с надеждой. И знаю, что сейчас, когда поезд вот-вот тронется, он думает, что всех перехитрил.

В эту минуту появляюсь я. С неоспоримым правом заставить его освободить место.

Я, который еще несколько лет назад боялся найти свое место занятым, потому что мне было стыдно говорить, что это место мое, стыдно и неприятно. А теперь я, как последняя сволочь, делаю это с удовольствием.

– Прошу прощения, но это место как будто занято.

И я показываю билет.

Я специально говорю как будто – даю ему возможность надеяться несколько секунд, что сейчас я отойду со словами: ничего страшного.

Но я стою как вкопанный. И он, униженный, уходит, почти убегает в поисках другого места.

В кадре корма корабля, на ней четыре пингвина. Они родились и выросли в нью-йоркском зоопарке, и вот теперь им удалось добраться до Антарктиды, где никто из них не был ни разу в жизни. Все четверо молча озираются.

Наконец один из них говорит: “Фу, какая гадость!”

И они решают отправиться на Мадагаскар.

* * *

День перехода на летнее или на зимнее время.

Потому что никогда не понимаешь, переходят ли в этот раз с летнего времени на зимнее или с зимнего на летнее. И будем ли мы ночью спать на час больше или на час меньше, не говоря уже о том, что из-за яростных споров мы пропускаем время перевода стрелок, возможно воруя у себя лишний час сна. Потому что всегда находится упрямец, который, даже если ты нарисуешь ему все на бумаге, останется при своем мнении и будет отстаивать его до хрипоты: дескать, нам предстоит спать на час больше, а не на час меньше, как вы все говорите (или на час меньше, а не больше).

Когда ты зеваешь, когда говоришь, что хочешь есть или спать, всегда найдется человек, который напомнит тебе, что это естественно, потому что сейчас десять часов, но все равно как если бы было одиннадцать. Или два часа, как если бы был час. И когда в семь часов вечера солнце еще высоко и ты радуешься, что пришла весна, – “ура, дни стали длиннее!” – тебе говорят, что это не так, ибо семь часов – это на самом деле не семь, а шесть, а значит, солнцу и положено быть еще высоко.

И твоей радости как не бывало.

Но до чего хорошо, когда на первой странице газеты, в нижнем углу, появляется рисунок часов с подписью под ним: не забудьте сегодня ночью перевести стрелки на час вперед (или назад). А на следующий день: вы не забыли перевести стрелки на час вперед (или назад)?

Перед тем как выйти из дома, я выключаю последнюю, ближайшую к двери лампочку, и на несколько секунд квартира погружается в темноту, в которой руки ищут на ощупь дверь, упираются в нее, двигаются в сторону замка, стараясь найти замочную скважину, чтобы вставить в нее ключ, и наконец я открываю дверь навстречу свету на лестнице.

И если просыпаюсь не у себя дома – секунда, когда я еще не понимаю, где я. И когда потом понимаю, тоже.

* * *

Ты никогда летом не уезжаешь. Днем сидишь дома, а ночью бродишь по городу. Это твоя любимая в году пора. Август. Вернее, середина августа. Неделя, максимум десять дней – прекрасное время. Все разъезжаются, а ты остаешься. Это твой отпуск без отпуска.

Представь себе, что у тебя есть балкон с видом на весь город, откуда с началом июня ты видишь, что народу на улицах прибавляется и что ночью никто не торопится домой – людям есть чем заняться, только успевай. В какой-то момент, правда, ты замечаешь, что народу внизу становится меньше. Если до тебя, когда ты свесишься через парапет, донесутся уличные разговоры, ты услышишь, что люди прощаются: завтра я уезжаю, увидимся после отпуска. Постепенно город пустеет. В середине августа город покидает последний из твоих друзей и ты наконец остаешься один.

Твой отпуск без отпуска – ты это так называешь. Тебе нравится, что ты в городе полуголых иностранцев, фотографирующих каждый уголок. В самые жаркие часы ты сидишь дома, ешь мало, но зато непрерывно читаешь, смотришь

фильмы, которые записал в прошлом году. Перед тобой летняя страница “Репубблики”, и ты время от времени туда заглядываешь: нужно решить, что делать сегодня вечером. К пяти часам ты выбрал маршрут, который приведет тебя в три разных места. К шести часам из них остается два. К восьми – одно. Бывает и так, что ты собирался вечером в театр под открытым небом, но, подъехав к нему на скутере, не останавливаешься, проезжаешь мимо и колесишь по городу до глубокой ночи.

Иногда ты проводишь кучу времени в полупустых супермаркетах, накупаешь мороженого, чтобы держать в морозильнике. Часто пользуешься машиной (в другое время тебя не усадить за руль): тебе нравится, что, куда бы ни поехал, ты моментально найдешь, где припарковаться, но еще большая радость – вернувшись домой, найти для машины пять-шесть мест на выбор. Весь день благодаря полуоткрытым окнам со ставнями ты живешь в полумраке и кочуешь по квартире в поисках места на небольшом сквозняке. Ходишь по дому голый, валяешься на постели, глядя в потолок, – особенно после того как примешь душ. А душ ты принимаешь по десять раз на дню. Тебе нравится, что время тянется бесконечно, нравится, что ты не знаешь, чем себя занять. Нравится даже, что от скуки ты вдруг начинаешь думать, не уехать ли тебе, начинаешь думать о друзьях, которые уехали кто куда, о том, как и к кому из них присоединиться. Нравится ходить взад-вперед по коридору в нерешительности: ну так что? я еду или не еду? Зная, что никуда ты не поедешь.

Когда ты выходишь из дома, куда бы ты ни направился, все заканчивается долгими ночными прогулками. Оставив далеко скутер или машину, ты идешь в Гетто, на площадь Навона, на Кампо-Марцио. На своем пути ты встречаешь туристов, ищешь в их глазах восхищение тем, что они видят, и тебе нравится думать, что они смотрят на тебя и думают, что ты живешь здесь, по соседству. Ты ходишь до тех пор, пока не убедишься: эхо твоих шагов – единственное эхо в округе. Или выбираешь район Гарбателла, улочки в квартале Триесте, виа Джулиа. Или тихие зеленые улицы на Монтесакро. Или квартал Сан-Саба.

Почти всегда один. Иногда в компании. И тогда ты идешь до тех пор, пока не заметишь, что начинаешь отставать от своих спутников или что они начинают отставать от тебя.

Бывает, что ты проводишь это пустое августовское время с кем-то, кого едва знаешь, с кем виделся последний раз в лучшем случае полгода назад. И с кем перестанешь видеться уже в сентябре.

В этом году ты встретил ее. Вы знакомы, ты видел ее то там, то тут. Последний раз – в июле, на какой-то вечеринке, и сейчас, идя с ней по ночному городу, уверяешь ее, что вы проговорили тогда весь вечер. Она же уверяет тебя, что разговаривали вы не весь вечер, а только сначала, и что весь вечер ты проговорил с девушкой из Израиля, которая приехала в Рим снимать какой-то документальный фильм. Израильскую девушку ты помнишь: девушка как девушка, ничего особенного. И еще помнишь, как в тот вечер один знакомый твоей сегодняшней спутницы посмотрел ей в глаза и сказал: по-моему, мы однажды целовались, правда? И она ответила да. Почему-то ты сразу понял, что запомнишь его вопрос и ее ответ.

Потом ты встречаешь ее на концерте. Перед началом вы идете выпить пива. Она говорит, что никуда не едет, потому что таким, как в августе, в другое время Рим уже не бывает. Ты не говоришь ей, что тоже так считаешь, – это было бы глупо. Ты молчишь. Но понимаешь, что проведешь отпуск в городе, с ней. Вы встречаетесь каждый вечер. Всю эту неделю, максимум десять дней. Пока не вернется кто-то, кто вернет тебя или ее домой. В Рим, каким он был до этого и каким будет потом. Не такой Рим, как сейчас.

По-моему, мы однажды целовались, правда? – сказал ей тот знакомый.

Она звонит тебе каждый вечер около половины седьмого. Вы не говорите о том, как провели день, вы видитесь только по вечерам. Бесконечно долго обсуждаете наперебой, что делать. Кино, театр, пиццерия. Всякий раз, когда кажется, что вы пришли к соглашению, один из вас предлагает новый план. Вам нравится все усложнять. Потом вы встречаетесь в условленном месте. Садитесь в машину или на скутера, доезжаете до начала того или иного района и дальше идете пешком. Ходите допоздна. Разговариваете. Иногда садитесь за столик в баре и заказываете мороженое. Она – с тобой и одновременно со своими друзьями, даже если те уехали. Непрерывно отправляет и получает эсэмэски. На ходу говорит или слушает меня, отправляя или читая эсэмэски, отправляет или читает эсэмэски, говоря или слушая меня на ходу. Иногда улыбается, и когда ты понимаешь, что не сказал ничего смешного, ты догадываешься, что ее улыбку вызвала эсэмэска. Тебя это не раздражает – скорее веселит.

Потом ты провожаешь ее домой. Вы входите в подъезд, поднимаетесь на последний этаж, у тебя одышка, у нее нет. Перед ее дверью вы

останавливаетесь и долго разговариваете – не наговорились. На второй или на третий вечер, точно не помнишь, целуетесь. Поцеловавшись, ты желаешь ей спокойной ночи и скатываешься по лестнице в исступлении, в каком скатываются по лестнице после поцелуев.

И так все дни. Звонок. Что будем делать? Споры. Выбор. Встреча. Прогулка. Эсэмэски. Лестница в ее доме. Перед своей дверью она выключает мобильник. И вы целуетесь. Так все дни, если не считать одной детали: целый день тебе хочется целоваться с ней. Вы долго целуетесь каждую ночь, она не предлагает тебе войти, да ты и сам этого не хочешь, ты хочешь стоять там, при тусклом лестничном свете, в тишине, и долго целоваться – тебе нравятся долгие поцелуи. Ты не спрашиваешь, нравятся ли они ей, но надеешься, что нравятся. Судя по всему – да. Вы не говорите о поцелуях. Каждую ночь вы поднимаетесь по лестнице на самый верх, ты с одышкой, она – нет, и с каждой ночью знаете друг о друге немного больше. До этого она рассказала тебе, а ты ей кучу историй. Вы кончаете разговаривать и начинаете целоваться. Вы только целуетесь, долго, много раз, а потом ты скатываешься в исступлении по лестнице.

Однажды вечером она приглашает тебя на ужин, вы едите, пьете вино, болтаете, слушаете до глубокой ночи музыку. Потом выходите на лестницу и только тут целуетесь. Долго, много раз.

Однажды она звонит тебе, как всегда, в половине седьмого. Ты готов бороться за то, чтобы идти в любое место, куда не хочет идти она. У вас такая игра. Ты готов. У нее более естественный и непринужденный голос, чем обычно, так что ты понимаешь: никакой он не естественный и не непринужденный. Ты ждешь, что она тебе скажет. И она говорит. Ей позвонила подруга, о которой она столько тебе рассказывала. Подруга вернулась из отпуска. Сегодня вечером она пойдет с нами. Ты поворачиваешься к стене, где висит календарь. Пытаешься вспомнить, какое сегодня число. Наконец вспоминаешь. Возможно, когда ты положишь трубку, кто-нибудь позвонит и тебе, скажет, что вернулся. Алло, куда ты пропал? – спрашивает она. Ты говоришь, что если они давно не виделись, может, им лучше встретиться без тебя. А она говорит, что ты сумасшедший, что она хочет познакомить тебя со своей подругой. Ладно, говоришь ты. Они уже все решили – ты не возражаешь, говоришь ладно. Некоторое время она молчит: уж слишком быстро ты сказал ладно. Алло, кричишь ты в трубку, куда ты пропала? Вы договариваетесь о встрече.

Ты на нее не идешь. Выходишь из дома поздно, садишься в машину. Едешь в район Гарбателла, оставляешь машину довольно далеко и бродишь допоздна, обходя все тамошние дворы. Когда начинают гудеть ноги, решаешь, что пора возвращаться домой. Свободных мест, куда ты можешь поставить машину, сегодня вечером уже меньше – всего два. Рядом с тем, которое ты выбираешь, загорелый мужчина выгружает из багажника чемоданы. Он весело с тобой здоровается. Сразу видно, рад, что вернулся. Дома на автоответчике ты находишь два сообщения. Вернулся Антонио. Вернулась Нина.

Ты помнишь ее поцелуи. Ты вспоминаешь о них, когда лето уже кончилось, вспоминаешь всю зиму. Как-то, после долгого перерыва, ты встречаешь ее на вечеринке. Чао! Чао! И вы обнимаетесь, как два человека, которые не понимают, что должно было случиться, чтобы они не виделись столько времени. Тут же ей приходит смс, и она отвечает. Ты думаешь, что теперь твоя очередь посмотреть ей в глаза и сказать: по-моему, мы однажды целовались, правда? Но ты понимаешь, что не сделаешь этого, не сможешь, Хотел бы, но не сможешь. И думаешь, что ждешь не дождешься того вечера, когда это сделаешь. Однако это будет не скоро. А может, и не будет.

* * *

В театр я хожу со страхом.

Гаснет свет, наступает тишина, сейчас начнется спектакль. После нескольких секунд ожидания раздаются первые слова, и уже с первых слов, по первой фразе все понятно. И не только по фразе, но по тону, по постановке голоса. По его глубине.

В театре после первой фразы тебе уже все ясно. Часто ты понимаешь, что в эту секунду время останавливается, останавливается навсегда. Ты в западне, выйти не можешь, остается терпеть. Ты прикован к своему креслу, и разворачивающееся перед тобой действо будет длиться часами, днями, неделями. Оно не закончится никогда. За стенами театра – люди, которых ты любишь, твои планы, и тебе приходится мириться с мыслью, что ничего этого нет. Жизнь будет продолжаться без тебя. А ты, запертый здесь, будешь до конца дней смотреть этот спектакль.

И все-таки спустя долгое время, когда ты уже не веришь, что подобное возможно, когда ты уже старик, тупой, беспамятный, неожиданно и этот спектакль, которому не видно было конца, кончается.

И эта минута освобождения – прекрасная минута. Ты вскакиваешь на ноги и с удовольствием аплодируешь и кричишь браво: ты рад, что спектакль все же закончился, и хочешь, насколько это в твоих силах, продлить эту минуту – минуту, когда с уверенностью ты можешь сказать себе, что он закончился.

В супермаркете я всегда изучаю чужие тележки, пытаясь представить себе, что люди едят на обед, на ужин, какой образ жизни они ведут, что у меня с ними общего. Некоторые покупают то же, что купил бы и я, так что у меня есть все основания подписаться под их покупками.

Засунуть руку в глубину холодильника в супермаркете или в баре и достать бутылку молока, до истечения срока годности которого больше времени: это тем приятнее, чем старательнее ее заставили другими бутылками, чтобы вынудить меня купить молоко, срок годности которого истекает раньше.

Все люди, даже самые некрасивые, когда узнаёшь их ближе, становятся красивее.

Собираясь принять душ, моя жена регулирует воду больше часа, как раз до того момента, после которого, если повернуть смеситель на миллиметр влево, потечет кипяток, а если на миллиметр вправо – ледяная вода. После того как ей удастся в результате нечеловеческих усилий добиться нужной температуры и зеркало в ванной, напоминающей парилку, запотеет, она наконец становится под душ.

В эту самую минуту, ни секундой позже, я – клянусь, что не нарочно, – открываю кран на кухне, и напор воды в душе неожиданно становится слабее, а вода – ледяной. Я знаю, что жена забивается в угол кабины, потому что ей не хватает смелости закрыть душ, чтобы потом снова начать манипулировать смесителем, а

главное, она верит, что через секунду это кончится, а пока вся сжимается, безуспешно стараясь увернуться от предательской струи, и кричит во все горло: “Закрооой! Закрооой!”

Если я слышу – а за шумом двух струй и при закрытых дверях могу и не слышать, сколько она ни кричи, – я моментально спохватываюсь и закрываю кран.

Потом, когда она выходит из душа и, к моему удивлению, наступает на меня, бешено сверкая глазами, я все отрицаю, клянусь, торжественно клянусь, будто не помню, что открывал горячую воду, и только после долгого мучительного допроса признаю свою вину.

Но я действительно забыл, что она принимала душ, клянусь, иначе я бы никогда не дотронулся до крана.

* * *

Бывает, мне нравится и то, что, казалось бы, нравиться не должно.

Мне нравится смотреть телевизор при включенном радио и слушать радио при включенном телевизоре, говорить по телефону, не выключая телевизора и радио.

Мне нравится следить за телевизионными рейтингами фестиваля в Сан-Ремо и его ведущего Паоло Бонолиса, за рейтингами воскресных программ. Когда, движимому болезненным интересом, мне удается найти в “Репубблике” статью о Бонолисе и данные о его слушателях и зрителях, я редко упускаю случай вставить в любой разговор вопрос: неужели “Репубблике” не надоело писать о Бонолисе? Кому это интересно? Ответ я знаю: это интересно мне.

Мне нравится покупать летом все подряд глянцевые журналы и любоваться грудями и задницами знаменитых женщин. Маленькое уточнение: тех женщин, которых я узнаю на фотографиях. Так было и раньше, когда я, читая подростком “Плейбой”, не обращал внимания на красавицу месяца, как бы хороша она ни была и как бы смело ни выставляла напоказ свои совершенные формы; меня больше привлекала небольшая грудь Ивы Дзаникки и Марии Розарии Омаджо[1 - Ива Дзаникки – популярная эстрадная певица. Мария Розария Омаджо –

известная итальянская кино– и театральная актриса. (Здесь и далее – прим. перев.)] – застенчивая нагота женщин, которых я узнавал на фотографиях. Все остальные кажутся мне на один покрой.

Мне нравятся уличные ссоры, особенно когда два человека выскакивают из своих машин, осыпая друг друга проклятиями, и затевают драку. Нравится, чтобы при этом были их жены и чтобы они собачились.

Мне нравятся возмущенные автомобильные сигналы, когда сначала сигналит один водитель, потом другой, потом все вместе, а мы как стояли, так и стоим в пробке, время идет, но мы ничего не можем сделать, и тогда я включаю радио, закуриваю и думаю о всякой ерунде. И тоже начинаю сигналить.

Мне нравится дышать смогом, когда я, лавируя, еду на скутере; я знаю, что дышу отравой, но не собираюсь ничего менять.

Мне нравится гулять воскресным утром, никогда не покупая при этом ни яблок, ни апельсинов, ни цветочков, ни пасхальных шоколадных яиц: никаких покупок, никаких попыток угодить ближнему для ублажения собственной совести.

Мне нравится оставлять машину во втором ряду, чтобы выпить кофе в баре, и, сколько бы ни сигналили разъяренные водители, требуя, чтобы я машину убрал, я допиваю кофе, вытираю рот бумажной салфеткой, расплачиваюсь и выхожу с извиняющимся жестом, сажусь за руль и уезжаю.

Когда на автостраде я попадаю в многокилометровую пробку, я каждый раз, не отдавая себе в этом отчета, уверенно говорю одни и те же слова: “Будем надеяться, что это авария”, потому что если это действительно авария, движение через некоторое время восстановится.

Мне нравятся песни о любви с фестиваля в Сан-Ремо, иногда трогательные до слез.

Однажды в Сан-Ремо пели мужчина и женщина. В ту пору я был влюблен в девушку, которая жила очень далеко. Мы встречались с ней раз, а иногда два раза в месяц. Я часто думал, что глупо, наверно, любить девушку, которая живет

очень далеко, тем более что мы мучительно скучали друг по другу. Все события в жизни каждого из нас происходили, когда мы были не вместе. И в Сан-Ремо я был без нее.

Я думал об этом и в тот вечер, когда вдруг мне показалось, что мужчина и женщина поют специально для меня.

– “Скажи, почему ты плачешь, почему ты слез от меня не прячешь, почему ты мне крепко сжимаешь руки?” – спрашивает она.

Выдержав продолжительную паузу, он отвечает в лоб, с беспощадной откровенностью, необходимой в определенных случаях:

– “Потому что думаю о разлуке. Не люби меня, я живу в Лондоне”.

Он хотел сказать, что плачет потому, что их любовь невозможна: он живет слишком далеко. В Лондоне. Она – в Сан-Ремо, он – в Лондоне, какая уж тут любовь! Он говорил это мне и моей девушке, которая живет очень далеко. То был очевидный знак судьбы. Я много думал о нас, меня одолевали сомнения, и однажды вечером песня рассказала мне про человека, уговаривающего любимую девушку разлюбить его, потому что он живет слишком далеко.

В тот же вечер я позвонил своему другу.

– Ты слышал? – кричал я в трубку. – Это знак судьбы! Я должен расстаться с ней!

Когда наконец я дал ему возможность вставить слово, друг объяснил мне, что человек в песне не говорил девушке: “Не люби меня, я живу в Лондоне”, и если бы я слушал лучше, то понял бы, что он отговаривал девушку любить его вовсе не потому, что он живет в Лондоне. На самом деле он говорил: “Не люби меня, я живу в темноте”. Не a Londra (в Лондоне), но all’ombra (в темноте).

Он говорил “в темноте”, потому что он слепой.

– Неужели ты не заметил, что он слепой?

– Конечно заметил, но при чем тут это?

Я не думал, что все слепые должны петь песни про слепых. Бочелли[2 - Андреа Бочелли – итальянский певец. В двенадцатилетнем возрасте потерял зрение.], по-моему, не поет.

* * *

Когда женщина, с которой я сплю, поняла, что каждый должен спать на своей стороне постели. Что можно сколько угодно обниматься до этого или проснувшись утром, но сон – другое дело, тут каждый сам по себе. Постель делится так же строго пополам, как в школе мы делили невидимой чертой парту с соседом.

Фраза, с которой я начинал школьное сочинение на любую тему: “Историческая, экономическая, философская, научная, политическая и социальная проблема двадцатого века…”

И получалось, что пять или шесть строчек у меня уже есть.

Когда утром меня будит телефонный звонок, я подхожу к телефону, и если позвонивший спрашивает: “Ты спал?”, всегда отвечаю: “Нет”.

Всегда, сам не знаю почему.

Снимаю трубку и говорю “слушаю” по возможности бодрым голосом. И первое, что произносит человек на другом конце провода, это:

– Ты спал?

– Нет, нет. Что ты!

И дальше я готов беззастенчиво врать, бормоча дурацкие фразы вроде “нет, я работал” или “я успел уже два раза сбегать по делам”. А если ничего другого не приходит в голову, говорю, что уже проснулся и как раз собирался вставать.

На другом конце провода упорствуют:

– Почему же тогда у тебя такой сонный голос? Брось, признайся, ты спал, зачем врешь?

И я клянусь чем-то очень для меня дорогим, что это не так, что я давным-давно не сплю, что у меня такой голос потому, что я с утра еще ни с кем не разговаривал, и вообще зачем мне врать, какой в этом смысл?

Серьезный вопрос. Зачем я вру? Какой в этом смысл? Да никакого – просто мне нравится.

День, когда я решил никогда больше не надевать пижаму, поскольку у всех пижам чудовищные расцветки. Кроме того, если верхняя часть пижамы – в виде майки, то она под горло и душит. Если в виде куртки, еще хуже: куртка не облегает, а существует отдельно от тела, как нечто чужеродное, и когда ты поворачиваешься в постели, упорно отказывается приспосабливаться к твоим движениям, ей на них наплевать. У тебя один выход: медленно вернуться в первоначальное положение и до утра спать не шевелясь.

И потом, для чего у пижамы нагрудный карман? Кто хоть раз пользовался таким карманом? Зачем его пришивают? Неужели никто из руководителей или акционеров пижамных фабрик ни разу не спросил на заседании совета директоров: а зачем мы делаем эти карманы? кому они нужны? почему нам не отказаться от них?

И тот день, когда я решил больше не отправлять открыток.

А также день, когда после душа от меня больше не пахло шампунем “Зеленое яблоко”.

И когда изобрели шампунь, позволяющий часто мыть голову.

И минута, когда прошло уже достаточно времени после секса и ты можешь отправиться в ванную, не опасаясь, что на тебя обидятся.

Правда, обычно ты не знаешь, настала уже эта минута или еще нет.

Когда мне сказали, что существует элитный клуб поклонников Тото, куда принимают лишь тех, кто сумеет ответить на вопрос, как называется в “Честных бандитах” фирма, выпускающая новые печатные станки, один из которых она предоставляет в распоряжение сообщников Джузеппе Ло Турко (его роль исполняет Пеппино Де Филиппо). И я это знал: “Бордини и Стоккетти” из Турина.

Раз в год я получаю счет за газ, где написано: “Итого к оплате: ноль запятая ноль ноль. Все предыдущие счета оплачены”. Спасибо.

Однажды вечером красивая девушка, совсем юная, пригласила меня в гости. Она поцеловала меня и разделась, став еще красивее. Мы трахнулись, и, когда я уходил, она сказала: ведь мы увидимся, правда?

Потом, пока ехал на скутере домой, я всю дорогу повторял вслух: “Ай да я! Знай наших!”

* * *

В “Неспящих в Сиэтле” Том Хэнкс с сыном ждут на крыше Эмпайр-Стейт-Билдинга незнакомку, которую, как известно, играет Мэг Райан. После долгого ожидания Том Хэнкс говорит: ладно, уходим. Они направляются к выходу. Мэг Райан по-прежнему нет, она опаздывает, опаздывает настолько, что может не успеть, и сколько бы я ни смотрел этот фильм, каждый раз я по-настоящему боюсь, что его переделали и в новом варианте она действительно не успеет. На этот раз они не встретятся. Так и происходит: когда Мэг Райан поднимается на крышу небоскреба, там уже никого нет. Они не встретились.

И я говорю себе: этого не может быть, я прекрасно помню, что все кончилось хорошо. Но передо мной Мэг Райан, одна, они уже ушли. Встреча не состоялась, что есть, то есть, Мэг Райан опоздала, никто и не думал переделывать фильм, это я его переделал, так он мне больше нравится. Я ерзаю в кресле, вскакиваю, снова сажусь, и это продолжается до тех пор, пока Мэг Райан, опустив глаза, не обнаруживает ранец мальчика. В ту же минуту появляются Том Хэнкс с сыном – они вернулись за ранцем. И наконец-то они встречаются. Я так рад за них, что каждый раз плачу от радости. Я счастлив еще и потому, что в фильме все осталось как было, когда я смотрел его впервые.

Вообще-то на фильм, который уже видел, я люблю ходить с теми, кто его еще не успел посмотреть: мне безумно хочется, сам не знаю почему, показать такому человеку, что я картину видел. Он это знает, у него нет ни малейшего основания не верить мне, но я не могу удержаться от искушения каждую минуту показывать ему, что уже видел этот фильм. Я медленно наклоняюсь к его уху и шепчу: “Смотри, сейчас будет прекрасное место”. Сцена, на которую я хотел обратить его внимание, уже началась, а я все не унимаюсь: “Смотри, смотри, сейчас”. А когда она заканчивается, шепчу ему в ухо: “Правда замечательно? А сейчас слушай, сейчас будет самая остроумная фраза в картине”. И сразу после этой фразы: “Правда остроумно?”

* * *

Когда она на меня не сердится – не за то, так за другое.

– Все хорошо?

– Да, все хорошо. А что?

– Я думал, ты на меня сердишься.

– А почему я должна сердиться? Я не сержусь.

В самом деле: все до единого счета за прошлый месяц оплачены. Спасибо.

Я счастлив, даже когда говорю ей: пожалуйста, не кричи, я не глухой…

И когда она в ответ кричит: откуда ты взял, что я кричу?

Слегка смазать цитроновым стиком руки и ноги и носить на себе этот запах.

Эсэмэски после одиннадцати вечера, которые спрашивают “где ты?”, которые говорят много больше того, что говорят.

* * *

Вечером в Риме по улицам дефилируют бутылки вина. Привычная для наблюдательного глаза картина. Одни аккуратно завернуты в тонкую бумагу энотеки, другие прячутся в полиэтиленовых пакетах супермаркетов, а то и в пакетах какого-нибудь магазина готового платья, прихваченных в последнюю секунду перед уходом из дома. Нагота бутылок попроще ничем не прикрыта, их крепко держат в руке люди, выходящие из машин или идущие по тротуару, внимательно изучая номера домов в поисках нужного адреса.

Вечером в Риме устраивают званые ужины. Приглашенные на ужин приносят бутылку вина. Этому молчаливому уговору неукоснительно следуют все, и тем не менее предусмотрительные хозяева дома сами покупают вино к столу: во-первых, они не знают, какое вино принесут гости, во-вторых, нельзя же откровенно рассчитывать на вино, которое принесут другие, и, наконец, в-третьих, всегда найдется кто-то, кому придет в голову явиться для разнообразия с мороженым или с тортом (мороженое и торт тоже нужно иметь в доме, хотя их может принести кто-то из гостей).

Когда гости входят, у одного из них в руке бутылка, и, как правило, на лестнице они только что спорили, кто из них должен ее нести. Спорили же они потому, что в момент перехода бутылки из рук гостя в руки хозяина (или хозяйки) тот и другой (или другая) испытывают определенную неловкость, в которой виновата как раз негласность уговора. Гость должен делать вид, что первый раз в жизни решился подарить кому-то бутылку вина, а хозяин (или хозяйка) – что первый раз в жизни получает такой подарок, а значит, нужно говорить: я подумал

принести тебе вино, и нужно отвечать удивленным спасибо, означающим: не стоило беспокоиться и одновременно – какая приятная неожиданность! В подтверждение приятной неожиданности следует: а мы уже открыли вино. Отсюда вопрос: будем пить наше или откроем то, которое принесли гости. А если то, которое принесли, какое открываем? Бутылку Джорджо, Эмануэлы или Федерики?

По дороге из гостей домой полусонное молчание в машине прерывается словами: а они симпатичные (если они симпатичные), как-нибудь нужно будет пригласить их к нам.

И после паузы:

– Ты против?

– Конечно нет.

– Ты устала?

– Немножко.

– Потерпи, мы уже почти приехали.

Оставшись одни, хозяева ставят тарелки и бокалы в посудомойку и говорят про гостей: а они симпатичные (если они симпатичные). Неоткрытыми остаются две-три бутылки вина. И если хозяева дома люди честные и простые и к тому же не отказывают себе в удовольствии выпить за ужином стаканчик-другой, в голове у них не может не мелькнуть дьявольская мысль, которую они гонят от себя, но которая, гони ее не гони, уже возникла, и звучит она так: эту мы отнесем, когда пойдем в гости.

Моя бутылка как раз из этих. Однажды вечером я принес ее в дом Аличе на Монтеверде, и она сказала: не стоило беспокоиться, а я сказал: не помешает. Эта бутылка стояла у меня дома, я опаздывал и, убегая, в последнюю секунду схватил ее. Аличе посмотрела на нее с любопытством. Моя бутылка выглядела бы так же, как остальные, если бы не экзотическое название вина, которое

придавало ей таинственности. В благоговейном молчании Аличе направилась к столу, чтобы поставить ее рядом с другими пятью или шестью, освещенными ярким светом в маленькой аккуратной комнате, где нам, гостям, негде было повернуться, но когда Аличе говорила: к сожалению, квартирка у меня маленькая, мы в один голос протестовали: да что ты! – и это было чистой воды лицемерием, потому что квартира действительно была маленькая. Аличе – милая, и когда мы все уже ушли, я не жалел, что моя бутылка осталась у нее в компании еще с одной: обе, при всей своей застенчивости, наверняка были довольны соседством.

Потом на какое-то время я потерял ее из виду, мою бутылку, но вот она появилась, узнаваемая, в доме у Федерики, на зеленой улице в районе Сан-Саба, в одной из тех квартир, в которых ты мечтал бы жить и не устаешь повторять Федерике, что если она когда-нибудь решит переехать, она должна сказать об этом тебе, хотя едва ли ты будешь единственным, кому она это скажет: за один вечер о том же Федерику успели попросить еще пять человек. Мою бутылку, слегка, как мне показалось, осунувшуюся и неприбранную, принесла лучшая подруга Аличе, которая, когда тебя слушает, улыбается так, будто для нее нет в жизни большего удовольствия, чем слушать тебя. Федерика буркнула ей: спасибо, поставь туда. Там я ее и увидел, но подошел ближе не сразу, хотя мне не терпелось убедиться, что она моя и что она меня узнала. Ничего удивительного: моя бутылка – все равно как машина той марки и того цвета, которые делают ее единственной такой во всем городе, и когда ты вдруг видишь ее в другом районе, ты подходишь ближе, желая убедиться, что это именно она, а не другая, хотя другой такой быть просто не может. Ну конечно, это она, я ее узнал: похоже, она смирилась со своей судьбой и теперь скромно стоит на комоде, в дальнем ряду (ужин стоячий – следовательно, гостей много, а потому и много бутылок).

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Ива Дзаникки – популярная эстрадная певица. Мария Розария Омаджо – известная итальянская кино– и театральная актриса. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Андреа Бочелли – итальянский певец. В двенадцатилетнем возрасте потерял зрение.

Купить: https://tellnovel.com/franchesko-pikkolo/minuty-budnichnogo-schastya-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити